

УДК 93

ЖЕНЩИНЫ-УДАРНИЦЫ В СИСТЕМЕ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ)

Марина Александровна Гадицкая
Сочинский институт (филиал) Российского университета
дружбы народов

В статье на основе обширного архивного материала рассматриваются женщины-ударницы Дона, Кубани и Ставрополья в колхозной системе 1930-х гг.

Ключевые слова: женщины-ударницы, колхоз, Юг СССР.

Большинство колхозниц Дона, Кубани и Ставрополья относились к рядовому составу коллективных хозяйств и были заняты физическим трудом (нередко неквалифицированным) в различных отраслях колхозного производства. В целом по СССР во второй половине 1930-х гг. женщины составляли 65,5 % среди работников колхозов и совхозов, не имевших специальности [1]. В 1940 г. в советских коллективных хозяйствах насчитывалось 31,3 млн женщин-колхозниц, и, по подсчетам Р.Т. Маннинг, по крайней мере, две трети из них были заняты ручным неквалифицированным трудом [2].

В колхозной иерархии рядовые колхозницы занимали самые низкие позиции: социальный статус их был невысок, так же, как и профессиональный.

Более высокое положение в колхозной иерархии (и в том числе среди женщин-колхозниц) занимали передовики производства, которые в советских документах 1930-х гг. именуется «ударницы» и «стахановки» (или, если речь шла о мужчинах, – «ударники» и «стахановцы»). Анализ документов позволяет утверждать, что существенных различий между этими двумя категориями колхозниц не существовало. Собственно, разница между ударницами и стахановками выражалась в том, что вторые превосходили первых своим трудовым энтузиазмом и, в еще больших размерах, перевыполняли нормы выработки на производстве (выражаясь современным нам языком, можно сказать, что стахановка – это как бы «суперударница»).

В частности, летом 1934 г. в молодежной бригаде колхоза им. Магницкого Азово-Черноморского края ударником считали того юношу или девушку, которые перевыполняли нормы выработки на 20 % [3]. Стахановцем же (стахановкой) считали того колхозника или механизатора, кто перевыполнял норму в разы или получал с обраба-

тываемого им поля урожай, значительно превышавший средние размеры сельхозпродукции, собранной на сопоставимых участках колхозных полей другими колхозниками. Например, звеньевая Мария Басанская из колхоза «Соцземледелие» Штейнгартовского района Азово-Черноморского края в 1936 г. собрала со своего полевого участка урожай кукурузы в размере 115 центнеров с га, в то время как соседние звенья смогли получить лишь 30 центнеров с га [4]. В колхозе им. Политбюро Лабинского района Азово-Черноморского края в 1937 г. колхозница Нина Билиминка считалась стахановкой, так как перевыполняла норму по прополке озимых посевов в два раза [5].

Появление ударниц и стахановок (как и их коллег-мужчин) в колхозной деревне – вовсе не случайное явление. Дело в том, что созданная сталинским режимом колхозная система зиждилась на таких принципах, как административное воздействие и внеэкономическое принуждение. Законы экономики в колхозах, по существу, игнорировались, поскольку эти хозяйства создавались для удовлетворения нужд государства и вынуждены были практически даром отдавать на государственные нужды значительную часть произведенной продукции. Колхозникам же при этом оставался минимум средств, так как оплата их труда производилась по остаточному принципу (а после разорительных хлебозаготовок у колхозов, как правило, оставалось не так уж много продукции для распределения среди своих членов).

В итоге, не получая достойного вознаграждения за свой труд, колхозники демонстрировали крайне низкую трудовую активность. Поскольку же экономические меры повышения трудовой активности крестьян в условиях колхозной системы были зачастую неэффективны (так как средств для повышенных выплат опять-таки не хватало), а методы административно-репрессивного воздействия нельзя было применять бесконечно, то правительство СССР и идеологи ВКП(б) отыскивали иные методы: ударничество и социалистическое соревнование. Эти методы базировались преимущественно на моральных стимулах, таких, как трудовой энтузиазм, стремление приблизить «светлое будущее», соответствовать идеалу «честного колхозника», и пр.

То есть ударники (ударницы) и стахановцы (стахановки) необходимы были сталинскому режиму для того, чтобы развивать сельское хозяйство даже при отсутствии достойного вознаграждения за труд, и подавать в этом пример другим колхозникам (передовики производства выполняли, иногда сами того не желая, и еще одну вполне практическую задачу, но о ней мы скажем чуть далее) [6]. Конечно, большинство передовиков производства искренне верили в «светлое будущее» и идеалы социализма; их никто не заставлял самоотверженно трудиться, они делали это в силу внутренних побуждений. Но, по существу, трудовая активность ударников и стахановцев (вызванная

лучшими их морально-психологическими качествами) не столько способствовала развитию колхозной системы, сколько укрепляла ее негативные характеристики, в частности, такие, как безразличие к нуждам конкретных людей, неравное распределение произведенной продукции между государством и самими сельскими тружениками, и пр.

Надо, впрочем, подчеркнуть, что стахановское движение не во всем основывалось на моральных стимулах, но также предусматривало и материальное стимулирование труда. За перевыполнение производственных планов, за ударный труд колхозницы получали определенного рода поощрения. Так, в начале 1934 г. в колхозе им. Ковтюха Анапского района Азово-Черноморского края насчитывалось 37 ударников, из них 23 женщины. Все они за отличную работу получили премии в размере 15–25 руб. на человека [7]. В том же 1934 г. в колхозах Коноковской МТС Азово-Черноморского края насчитывалось 773 ударницы (при том, что общая численность женщин-колхозниц не превышала 2170 человек). За производственные достижения 169 женщины были премированы телками, а 499 – курицами, поросятами и кроликами [8].

Как свидетельствуют эти частные примеры, ударницы составляли довольно значительный процент среди колхозниц. Отчасти это, конечно, объяснялось верой в «светлое будущее» (которое ударницы надеялись приблизить упорным трудом), а отчасти – именно материальными поощрениями. Сложно судить, какой из указанных мотивов преобладал в сознании ударниц, но значение ни того, ни другого преуменьшать не приходится. Причем необходимо добавить, что в первой половине 1930-х гг., когда колхозники получали на выработанные трудодни минимум продуктов (и полуголодное существование для многих сельских жителей превратилось в норму жизни), многие женщины стремились занять свое место в рядах ударников не столько в надежде на премии и поощрения, сколько из-за усиленного питания. Теоретически ударники имели право на более высокую норму потребления при обеспечении их колхозников общественным питанием: такие повышенные нормы снабжения именовались в документах 1930-х гг. «котлом ударника». Так, летом 1933 г. в колхозе «Красный Камышанник» [9] Прикумского района Северо-Кавказского края на общественное питание колхозникам выдавалось 0,8 Кг зерна, а ударникам – 1 кг [10].

Вместе с тем уже приведенный пример показывает, что «котлы ударника» зачастую были весьма небогаты. Более того, во многих колхозах руководство вообще отказывалось такие котлы создавать из-за крайнего дефицита продуктов (закономерного результата завышенных хлебозаготовок). В частности, летом 1933 г. местные работники Ессентукского района Северо-Кавказского края с раздражением говорили о

«котлах ударника»: «Все это написано только на бумаге. Нам здесь виднее, что останется, то и будем давать колхозникам» [11] (Е.Н. Осколков в этой связи справедливо указывал, что в начале 1930-х гг. в колхозах Северо-Кавказского края уравнильное распределение продуктов по едокам являлось следствием нехватки зерна для дифференцированных выдач по трудодням [12], а не следствием господства уравнильных настроений в ранних колхозах, как это обычно писали советские исследователи). Такие явления наблюдались и позже. Так, весной 1935 г. ударница Черкасова из колхоза «Маяк культуры» Родионово-Несветаевского района Азово-Черноморского края возмущалась: «заработала 300 трудодней в прошлом году, сейчас столько же, а сколько получила – моей семье только на месяц хватило, как же жить?» [13].

Хотя передовики производства и получали за свой труд более солидное вознаграждение, размеры его все же не были столь значительны, чтобы увлечь остальных колхозников. Недостаточно высокое материальное вознаграждение за повышенную трудовую активность являлось мощным сдерживающим фактором для повсеместного и широкомасштабного развития ударничества. Хотя, как мы уже отмечали, женщин-ударниц насчитывалось достаточно много (если воспользоваться вышеприведенным примером, то свыше 35 %), действительно массовым стахановское движение в сельском хозяйстве не стало. М.Н. Глумная тонко подметила, что «серьезной преградой к переходу в разряд передовиков была сама потогонная система ударничества и стахановизма» [14]. Действительно, далеко не все сельские женщины и мужчины были готовы надрываться на работе только ради абстрактных идеалов социализма, получая мизерное вознаграждение. Более того, многие жители села, как женщины, так и мужчины, не стремились перевыполнять производственные задания, дабы не выделяться из массы колхозников, «быть, как все». В противном случае они могли стать объектом негативной реакции односельчан, причем реакция эта нередко выражалась в весьма агрессивной форме.

Самая мягкая негативная реакция колхозников по отношению к ударникам и ударницам выражалась в насмешках и общественном отчуждении. Показательный пример приведен в публикации в одном из мартовских выпусков газеты «Северо-Кавказский большевик» за 1936 г. Доярка молочно-товарной фермы колхоза «Красный май» села Ладовская балка Евдокимовского района Северо-Кавказского края Дарья Шевченко за свои производственные достижения стала участницей Всесоюзного совещания передовиков животноводства (состоявшегося в феврале 1936 г. в Москве) и там была награждена орденом «Знак почета». Но когда она вернулась в родной колхоз, то «попала в явно враждебную обстановку». С ней не желали общаться, третирова-

ли, поговаривали, что она «находится в близких отношениях с каким-то районным работником, который и послал ее на совещание» [15].

Любой человек, оказавшись в таком недоброжелательном окружении, будет чувствовать себя весьма некомфортно. А ведь нередко конфликт между ударниками и массой колхозников перерастал в более острые формы. Так, в колхозе «Красное знамя» Солдатско-Александровского района Орджоникидзевского края стахановке-звеньевой Шуре Ясько «обнаглевшие симулянты» сказали прямо: «Если будешь перевыполнять норму – изживем из колхоза» [16]. Нередко угрозы перерастали в акты насилия. Например, в 1938 г. в колхозе им. 17 партсъезда Родионово-Несветаевского района Ростовской области был случай издевательств над стахановкой-животноводом В.А. Белой, причем в травле и издевательствах (носивших физиологический и сексуальный характер) приняли участие некоторые бригады [17]. Более того, в источниках содержатся упоминания о нападениях односельчан на ударников, об их избиениях и даже убийствах [18]. Так, в апреле 1934 г. на Дону широко освещалось в печати судебное дело об избиении Марии Сафоновой, которая была бригадиром ударной бригады колхоза «Путь Ленина» Тацинского района Азово-Черноморского края. С точки зрения следствия (и журналистов, которые освещали в печати этот процесс), успехи бригады Сафоновой вызвали зависть односельчан. Как и в случае с Дарьей Шевченко, о Сафоновой поговаривали, что весь «секрет» ее популярности – в близких отношениях с каким-то представителем районного руководства. Но только сплетнями и злословием дело не ограничилось: Сафонова была избита двумя членами колхоза, когда пыталась воспрепятствовать им забрать сено, заготовленное ее бригадой для бригадных же лошадей. По факту избиения было возбуждено уголовное дело, и виновные получили по 5 лет лишения свободы каждый. Причем на скамью подсудимых попали даже председатель колхоза и бригадир той бригады, в которой работали осужденные колхозники [19].

Наиболее очевидная причина неприязни рядовых колхозников к передовикам производства заключается в том, что производственные достижения последних использовались властью для увеличения норм выработки в колхозах. По справедливому замечанию Б.М. Сарнова, рекорды ударников и стахановцев «были не чем иным, как мощным *средством эксплуатации* (курсив Б.М. Сарнова – *авт.*) обычных, рядовых токарей, шахтеров, ткачей, свинок и доярок. Именно в этом и состояла основная социальная функция всех этих «знатных людей» в системе советского общественного устройства» [20]. Действительно, при увеличении норм выработки в колхозах власти часто указывали на достижения ударников (стахановцев). В частности, в апреле 1931 г. Северо-Кавказская Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) «постанов-

лением своим отвергла нормы, разработанные Крайколхозсоюзом, как не соответствующие действительным возможностям колхозов, как неправильно ориентирующих колхозные организации и предложила крайколхозсоюзу на основе показателей лучших ударных бригад и ударников выработать новые нормы выработки» [21]. Вполне естественно, что в коллективизированной деревне, где колхозники нередко не получали достойной (а часто и вообще никакой) оплаты за свой труд, рекорды стахановцев и влекомые ими повышения норм выработки воспринимались крайне негативно. Отсюда и неприязненное отношение массы колхозников к самим передовикам производства.

В то же время, несмотря на недостаточно высокую оплату труда и неприязнь односельчан, «ударничество и стахановизм» давали шанс сельским женщинам повысить свой социальный статус, иной раз весьма и весьма значительно. Из массы рядовых колхозниц ударница (особенно стахановка) могла подняться до уровня членов высших органов государственной власти, обрести широкую известность не только в СССР, но даже за его пределами. В частности, кубанская трактористка Паша Ковардак благодаря своим производственным достижениям стала членом Верховного Совета СССР [22]. В реальности, конечно, члены Верховного Совета СССР, лишь формально считавшегося высшим органом управления страной, власти не имели; но зато уже сам факт вхождения в состав этого декоративного органа значительно повышал социальный статус (да и уровень материального благосостояния) вчерашних простых колхозниц, трактористок, свинок, доярок и т. д.

Кроме того, ударники (ударницы) и стахановцы (стахановки) являлись неким промежуточным звеном между рядовыми колхозниками и колхозными управленцами, поскольку они входили в состав так называемого «актива», из представителей которого рекрутировались кадры административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств. Не случайно в постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» (4 февраля 1932 г.) шла речь о создании колхозного актива «из ударников-колхозников, участников социалистического соревнования» [23]. В январе 1933 г. В. Филлов, один из представителей краевого руководства Северо-Кавказского края, со знанием дела указывал, что кадры руководителей коллективных хозяйств следует черпать из колхозного актива, в составе которого он назвал, помимо прочих, также ударников и ударниц [24]. Разумеется, перевоплощение ударниц (стахановок) из вчерашних рядовых колхозниц в представителей колхозной администрации, означало и заметное повышение их социального статуса в коллективных хозяйствах.

Можно констатировать, что главными мотивами в стремлении женщин стать ударницами или стахановками являлось стремление улучшить материальное положение семьи, а также возможность повысить свой социальный статус.

Примечания:

1. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестной. М., 1991. С. 170.
2. Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны... // Отечественная история. 2001. № 5. С. 92; Pshenichnaya V.E., Natolochnaya O.V. Sochi in 1930s: official ideology and implementation realities // European researcher. 2011. № 4 (6). P. 366-368.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 105. Л. 40.
4. Петров Н. К сталинским урожаям // Колхозница. 1937. № 3. С. 3.
5. Юдина А. Стахановка Нина билиминка // Колхозница. 1937. № 5. С. 11.
6. Как выразился А.В. Гордон, «благодаря коллективизации [сталинский] режим получил того самого «ударника», который был готов, живя в бараке, работать от зари до зари за пайку хлеба, который и вынес на своем хребте сверхиндустриализацию» (Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из выступления А.В. Гордона // Отечественная история. 1995. № 3. С. 122).
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 7. Д. 462. Л. 9.
8. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 116. Л. 100.
9. Камышанники, камышане – так называли себя «красные партизаны» Ставрополя, которые в период Гражданской войны, сражаясь с белыми отрядами, устраивали свои базы в заросших камышами поймах рек.
10. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.
11. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 34.
12. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Ростов н/Д., 1991. С. 16.
13. Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 344.
14. Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Хироси Окуда. Токио, 2005. С. 273.
15. Рубежный Д. Так и не нашла защиты Дарья Шевченко // Северо-Кавказский большевик. 1936. 20 марта.

16. Орджоникидзе́вская правда. 1937. 14 дек.
17. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 143; Д. 61. Л. 40б.
18. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 113. Л. 76.
19. Чилим М. Руки прочь от ведущей бригады!! На процессе по делу преследователей Марии Сафоновой // Молот. 1934. 21 апр.
20. Сарнов Б.М. Наш советский новояз. М., 2002. С. 159.
21. ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 3. Д. 532. Л. 80б.
22. Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. 1937. № 12. С. 16.
23. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. 1917–1957 гг. В 4-х т. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 343.
24. Филлов В. О работе с беспартийным колхозным и совхозным активом. Доклад на объединенном пленуме С.[еверо]-К.[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 29-го января 1933 года. Ростов н/Д., 1933. С. 33, 36.

UDC 93

FEMALE SHOCK-WORKERS IN KOLKHOZ ACTIVITIES OF 1930s
(DON, KUBAN AND STAVROPOL CASE STUDY)

Marina A. Gaditskaya
Sochi Institute (branch) Peoples Friendship University of Russia

The article, basing on extensive archival materials, considers female shock-workers of Don, Kuban and Stavropol in kolkhoz system of 1930s.

Keywords: female shock-workers, kolkhoz, the south of USSR.